

НЕКРУГЛАЯ ДАТА ОЛЕГА ТАБАКОВА

Сам юбиляр сыграл на сцене «Современника»
в спектакле «Необыкновенная история»

Неразвешенная тема. - 2000, - 11 окт. - с. 7

Обыкновенная театральная история: Табаков-старший
и Табаков-младший.
Фото Михаила Гутермана

Григорий Док

ВЫБОР для юбилея Табакова «Обыкновенной истории» как основы, как «плодородного слоя» понятен, в каком-то смысле — очевиден. В конце 60-х, когда Табаков был на 35 лет моложе, «Обыкновенная история» в постановке Галины Волчек прославила его (к тому времени Табаков уже пользовался популярностью), — «Обыкновенная история», где он сыграл Адуева-младшего, принесла ему признание и Государственную премию. Вероятно, в то время он был самым молодым ее лауреатом (не случайно, думается, совсем недавно самым молодым лауреатом Госпремии стал ученик Табакова — Сергей Безруков).

Выбор «Современника» — тоже понятен. В «Современнике», где много лет Табаков работал актером и, чтобы быть точным, семь лет (после ухода Олега Ефремова) директорствовал, по собственному его признанию, прошли самые счастливые годы. Табаков — человек крайне закрытый, никогда не понимая, где он искренен, а где — хорошо срепетированный экс-

промт, с намеком на внезапную откровенность, но тут, кажется, лукавства и преувеличения нет.

Итак, 9 октября, почти через два месяца после самого юбилея, на сцене «Современника» чествовали Табакова. Нраву Табакова решено было продемонстрировать полное равнодушие к его внешним проявлениям, — то есть к папкам и поздравительным адресам. И юбилей провел на сцене — в работе, в деле (что не забыл подчеркнуть в коротком послеспектакльном выступлении; аплодисменты и цветы — «позволил», адреса и официальные речи — нет).

Отличие «Обыкновенной истории», той пьесы Виктора Сергеевича Розова (по роману Гончарова), которая когда-то сыграла знаменательную роль в судьбе Табакова-актера, а потом (опять же — по словам Олега Павловича) много лет подряд кормила его, поскольку список стран, где Табаков поставил ее, велик, от той «Необыкновенной», которую показали позавчера, в том лишь, что изредка в стремительный бег розовско-гончаровского повествования врываются «чужие» голоса. То вдруг в роли Юленьки выйдет Нина Дорошина, то другом Адуева-старшего предстанет Константин Райкин...

Время от времени театральное действие перебивалось киноставками из фильмов и фрагментами из старого спектакля «Современника». Все оправдывалось многообещающим началом: голос Волчек объявил прогон, поинтересовавшись на всякий случай: «Лелик здесь или как обычно?» Лелик, как называют его сегодня многие близкие друзья, или — Олег Павлович Табаков, был, конечно, на месте. Но вышел сперва в роли племянника, а гостеприимным дядюшкой — от «Современника», так сказать, — был Валентин Гафт. Уступая сцену, он, конечно, не отказал себе в удовольствии прочесть очередную эпиграмму — что-то про ликероводочный завод, который Табаков добавил к уже имевшейся «в наличии» «Табакерке»... Вторым племянником стал Евгений Миронов, играющий Адуева-младшего в спектакле Олега Табакова. Еще пятьдесят племянников и племянниц вырвались на сцену с цветами в финале, чтобы воскликнуть: «Здравствуйте, дядюшка!»

В зале, конечно, сплошь сидели известные люди, в основном театральные (таково было желание бенефицианта) — много из «Современника», вся «Табакерка», Вячеслав Невинный, Нина Гуляева и Станислав Любшин — из МХАТа имени Чехова (может быть, кого-то еще мы просто не заметили). Конечно, была сама Галина Волчек, Геннадий Хазанов сидел рядом с Валентиной Матвиенко, Игорь Бугаев соседствовал, кажется, с Андреем Кокошиным (или с другим Андреем — Козыревым). Марк Захаров был, Светлана Врагова, Юрий Еремин и многие-многие другие.

В 21.30 более узкий круг собрался в «Табакерке», чтобы все-таки одарить юбиляра загодя приготовленными подарками и выпить «бокал вина» (так скромно был обозначен этот прием в приглашении). Здесь Табаков окончательно развеселился, переходил от стола к столу, много рассказывал (кое-какие истории уже известны читателям его «Настоящей жизни»), верный своему правилу, не забывал благодарить тех, кто помог в жизни ему и его театру, даже пел озорные куплеты. Было видно, что он рад, что ему хорошо. Кажется, он был искренен, когда говорил со сцены «Современника», глядя на сменяющие друг друга фотопортреты — сцены из ролей и карточки из жизни: «И эти времена я люблю. И эти — тоже... И эти...» А поскольку довольных своей жизнью вообще не так много, а тех, которые способны этой радостью поделиться с другими, — единицы, то не странно, что Табакова так любят.

МВ